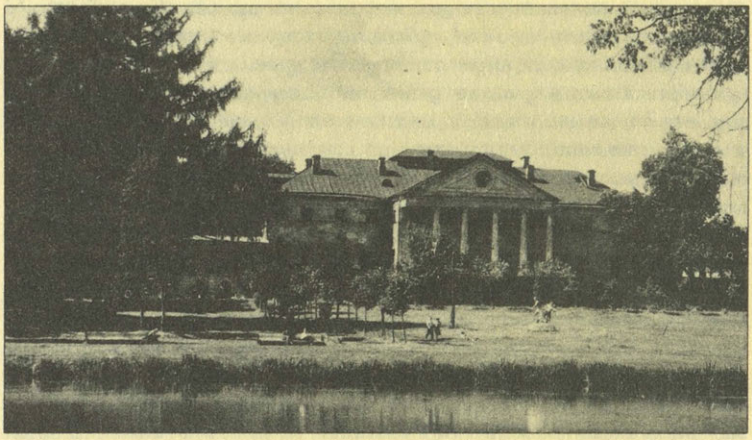
VII

Ольгово



Дворец в усадьбе гр. С.С.Апраксина Ольгово Дмитровского уезда. *Фото 1940-х гг.*

Местность около города Дмитрова описана в хронике Благово "Записки бабушки" [58]. Здесь было немало славных красотой своего местоположения старинных усадеб, расположенных по сторонам Рогачевской дороги. Рождествено, устроенное с большим вкусом московским генерал-губернатором кн. Д.В.Голицыным, но о котором теперь можно судить лишь на основании старинной литографии, Обольяниново, принадлежавшее гатчинцу и павловскому любимцу П.Х.Обольянинову, Горки Благово, где постройки возведены были Кампорези, а росписи принадлежали крепостному мастеру, и еще многие другие усадьбы были рассеяны здесь щедрой рукой.

Но бесспорно, самой знаменитой среди них было Ольгово [59] Апраксиных. *Во втором, и последнем, выпуске "Русских усадеб" графа Шереметева, посвященном Вяземским* [60], *рассказана биография кнг. Н.П.Голицыной. Дочь гр. П.И.Чернышёва, возвеличенного фавором своего брата у Екатерины II, она в молодости своей видела Версаль и принимала участие в Jeu de la Reine *. Быть может, в пудреных волосах и платье с фижмами смотрела она из ложи на феерическое представление "Армиды" в Парижской опере, запечатленная волшебной кистью Сент-Обена. По улицам дореволюционного Парижа проезжала ее карета мимо отелей аристократического Сен-Жерменского предместья. Ее портрет в эти годы написал Друэ. Она пережила мужа, бесцветного князя Голицына, пережила сына Бориса* [61], *прекрасного танцора, прозванного потому Вестрисом* [62]; *она жила при дворах Екатерины, Павла, Александра и умерла в царствование "незабвенного" Николая I, долгие годы свято храня знамя аристократизма, переданное ей французскими эмигрантами. На закате дней ее видел Пушкин и запечатлел в образе графини "Пиковой дамы". Она чтила семейные традиции, требуя того*

* "Рейнская игра", т.е. придворные балы (*франц.*).

же от окружающих; один из внуков ее наивно полагал поэтому, что сам Иисус Христос носил фамилию Голицыных, ибо о нем всегда с уважением отзывалась бабушка — княгиня Наталья Петровна. Своим дочерям она нашла прекрасные партии. Младшая, Софья Владимировна, запечатленная на прелестном портрете Вуаля, впоследствии близкий друг императрицы Елисаветы Алексеевны, вышла замуж за мецената гр. А.Г.Строганова, владельца Марьина в Новгородской губернии, чудесной усадьбы, возведенной Воронихиным; старшая же, Екатерина, была замужем за богатым, жизнерадостным, гостеприимным молодым генералом С.С.Апраксиным, хозяином Ольгова. В Третьяковской галерее находится его портрет блестящей кисти Лампи. В чуть женской позе, опершись рукой на постамент, стоит молодой генерал с привлекательным лицом и красивыми руками. Во всей фигуре его чувствуется что-то гибкое и изящное; чувственные губы выдают темпераментную натуру. Он нравился женщинам, он не пренебрегал своим успехом у них; его широкая натура не довольствовалась малым и однообразным в интимной жизни, так же как и в общественной, где стихию его составляли празднества, пиры, театральные представления. Он не жалел денег на жизнь. Как эпикуреец, он брал у нее все, что мог. Владея громадным домом в Москве на Знаменке, позднее переделанным под Александровское юнкерское училище, он давал здесь постоянно роскошные пиры для званых, в отдельные дни держа открытый стол для всех. Его гостеприимство и хлебосольство были легендарны даже в гостеприимной и хлебосольной некогда Москве. После пожара в доме на Знаменке приютил он Московский оперный театр. Здесь пели целый сезон итальянцы. Жизнерадостная, приветливая фигура хозяина заслонила образ его жены. Воспитанная, однако, строгой и властной princesse Moustache, какой в старости она* (Н.П.Голицына. — *Сост.*) *изображена на портрете Митуара, Екатерина Владимировна была любезной хозяйкой и тактичной женой, по-видимому, находившейся под обаянием недостатков постоянно увлекавшегося С.С.Апраксина, всегда относившегося, однако, к жене с глубоким уважением и искренней привязанностью.*

Балы и вечера в Москве сменялись празднествами в Ольгове, где сельские увеселения — крепостной театр, оркестр, хоры, охоты — привлекали все те же толпы гостей из столицы и окрестных усадеб. Блестящая пора Ольгова кончилась со смертью С.С.Апраксина. Но волею судеб вплоть до 1926 года усадьба, никогда не переходившая в чужие руки, сохранялась неприкосновенной *сначала в силу семейных традиций, позднее же, после 1917 года, как единственный в своем роде музей быта.* И действительно, наравне с павловскими комнатами в Гатчинском дворце или Андреевским, усадьбой Воронцовых, где никто не жил последние сто лет, Ольгово можно было справедливо считать бесценным документом прошлого, наглядной декорацией невозвратно ушедшего быта. В Ольгове жизнь не прерывалась, тем не менее не оставили последующие годы художественного безвременья слишком заметных следов, быть может, в силу традиционного пиетета перед стариной. В Ольгове некогда было заведено обыкновение беречь и хранить все вышедшие из употребления вещи, благодаря чему в кладовых сохранились любопытнейшие предметы бытового уклада.

Ольгово было перестроено, расширено и роскошно обставлено известным московским богачом-меценатом и хлебосолом С.С.Апраксиным при участии архитектора Кампорези и целого штата собственных художественных сил из числа крепостных. *Треугольный фронтон над центральным выступом с одной стороны* и мощный шестиколонный портик с другой украшают фасады дома — собственно, довольно

[58] Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д.Благово. М., 1989. Воспоминания Е.П.Яньковой (бабушки) были впервые опубликованы в журнале "Русский вестник" в 1878 году, отдельным изданием вышли в 1885 году.

[59] Ольгово Дмитровского уезда принадлежало в XVIII веке Чаплиным, затем перешло к дочери А.И. и М.Г.Чаплиных Соймоновой, во втором браке за фельдмаршалом С.Ф.Апраксиным; своего расцвета Ольгово достигло при их сыне, генерале С.С.Апраксине (1756–1827).

[60] *Шереметев С.Д.* Остафьево (очерк). СПб., 1889. 16 с.

[57] Голицына (урожд. Чернышёва) Наталья Петровна (1741–1837), фрейлина при пяти императорах, послужившая прототипом графини в "Пиковой даме" А.С.Пушкина; ее муж — кн. Голицын Владимир Борисович (1732–1798); их сын — Голицын Борис Владимирович (1769–1813), участник Бородинского сражения, в котором он получил тяжелое ранение, ставшее причиной его смерти.

[62] Очевидно, имеется в виду представитель артистической семьи Вестри (Vestris) Мария Огюст Вестри (1760–1842), искуснейший танцор Европы, которого называли "богом танцев".

* "Мусташа" *или* "Усатая княгиня" (*франц.*) — прозвище Н.П.Голицыной.

заурядного ящикообразного здания, имеющего лоджию на садовом фасаде позади колонн. Cour d'honneur зарос травой и превратился в луг; буйно и вольно раскинули свои ветви деревья, спрятав среди зелени здание театра и громадный, постепенно разрушающийся полуциркульный корпус, где некогда помещалась дворня. Во всем внешнем облике Ольгова мало парадности; здесь нет далеких видов, широких перспектив; точно рука живописца, тонкого и задушевного мастера ландшафта, коснулась парка, расположив купами деревья на фоне сочных, залитых солнцем лужаек; как бы случайно прорубленные просеки показывают то угол дома, то колонны портика, то отражающиеся в воде плакучие ветви берез. Садовых "затей", всевозможных беседок, храмов, мостиков, было здесь когда-то множество; но сделанные из дерева, они давно уже исчезли, оставив по себе лишь память в серии гуашей старого Ольгова, хранившейся вместе с архивом в папках библиотеки. Библиотека, одна из ближайших к лестнице комнат, была украшена протянутым фризом над шкафами — портретами различных государственных деятелей XVIII века, исполненными ремесленной кистью доморощенного живописца по оригиналам русских и заезжих мастеров. Впрочем, известный анекдот, рассказанный по поводу этих портретов, сообщает, что нередко крепостному художнику позировал тот или иной дворовый, лицом своим напоминавший требуемую вельможную персону...

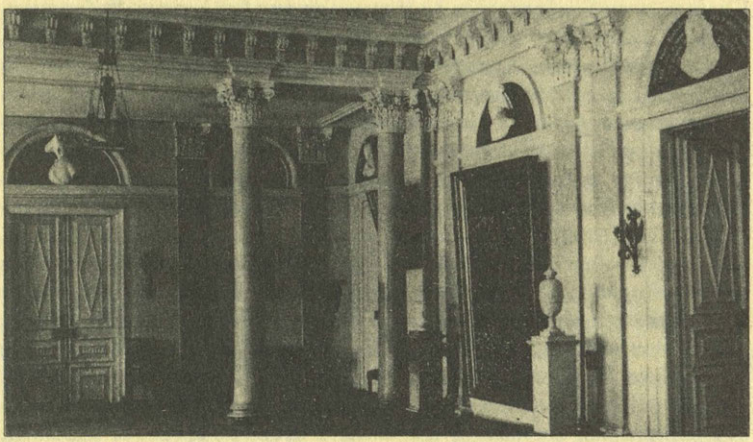
Большая гостиная с колоннами, сообщающаяся с залом по главной оси дома, хранила, впрочем, как и многие другие комнаты, замечательные световые приборы — своеобразные масляные лампы, люстры и бра. Они редко встречаются в усадьбах — только в Суханове Волконских да в Белкине Бутурлиных дожили они до нашего времени. Надо думать, однако, что в старые годы подобные осветительные приборы с резервуаром для масла, питающим через трубочку стеклянную чашку, куда опущен фитиль, составляли предметы особого комфорта и удобства. Часто построенные в виде обруча на цепях с подвешенной урной-резервуаром и лампионами по кругу, они повторяли в общих чертах тип ампирных люстр. Их любили расписывать, скрывая дешевую жесть, алагерками [63] и меандрами, летящими "викториями", танцующими и музицирующими нимфами — черными фигурами по красному фону, в духе греческих ваз, или сине-зелеными узорами по золоту, подражая патинированной бронзе. Эти самые осветительные приборы, висевшие в комнатах вплоть до последнего времени, изображены уже на акварелях начала XIX века, представляющих интерьеры ольговского дома.

Большой зал с хорами, колонными портиками, обнимающими двери, пилястрами, нишами, скульптурными медальонами, представляющими членов семьи Апраксиных, и парадными портретами в рост сохранял черты типичной бальной залы XVIII века, где некогда танцевали чопорные польские (полонезы. — *Сост.*) и грациозные менуэты под звуки крепостной музыки. Позднее появился здесь рояль, типичный flügel орехового дерева, звучавший еще в 1924 году. Гречаниновские романсы в авторском исполнении [64] сменялись вальсами и кадрилями, создававшими незабываемое впечатление от этого импровизированного бала в полусумраке старинной залы, освещенной лишь теряющимся светом лампы и одной свечи... *Дребезжащие струны расстроенного инструмента совсем по-особенному передавали старинные вальсы, романсы и арии позабытых авторов, чьи имена воскрешали из забвения многочисленные тетради старинных гравированных нот. Не только обстановка, не только музыка, даже костюмы позволяли воскресить в Ольгове картины былой жизни.* В одной из кладовых дома сохранялся еще старый гардероб владельцев — камзолы и кафтаны цветного бархата, расшитые шелками, серебром и золотом, головные уборы и рядом с ними театральные шлемы, картонные и жестяные, бутафорское оружие и другие предметы быта и театрального реквизита.

[63] Алагерки (*от франц.* "A la guerre") — орнамент в виде военных трофеев. Вошел в моду после победы России в войне 1812 года (*примеч. ред.*).

[64] Гречанинов А.Т. (1864–1956), композитор, автор опер, симфоний, многочисленных романсов, хоров и пр. В 1925 году эмигрировал. Умер в Нью-Йорке.

Дом был наполнен мебелью красного дерева, ореховой, карельской березы работы старинных мастеров, а также и своей собственной, крашеной, доморощенного изготовления. Парадная спальня с кроватью под пологом, будуар, многочисленные гостиные, невысокие комнаты на антресолях — все это было обставлено подчас превосходными предметами декоративного искусства. В старых бюро и секретерах остались письма и счета, на стенах — акварельные и рисованые портреты наряду с сувенирами заграничных путешествий, разбросанными по столам. Все это вместе создавало своего рода единственное впечатление жилого уюта; казалось, владельцы только что покинули дом, оставив раскрытой на рояле тетрадь рукописных нот и свежие цветы в старинных фарфоровых вазах. Десятилетиями накапливались вещи. Часы, затейливо вделанные



в картину какого-то второстепенного голландского мастера, тешили чей-то вкус своим наивным trompe l'oeil *; обеденные сервизы на неограниченное, казалось, количество персон свидетельствовали о былом размахе вельможного гостеприимства; наклонный бильярдик с препятствиями не раз забавлял, верно, интимное общество хозяев и друзей в дни непогоды... Верно, в 1924 году на нем играли в последний раз... А в верхних комнатах с окнами в сад точно живы еще тени девичьих грез. Незахватанные жизнью мечты, разве не рисовали они кому-то заманчивое и волнующее будущее при тех же всегда — кем не изведанных! — звуках соловьиной трели и благоухании сирени в озаренном луною саду? Не выдохся еще аромат прошлой безмятежной жизни из ящиков столов и секретеров; в них остались лежать написанные четким и широким почерком людей XIX века незатейливые, но кому-то когда-то бесконечно дорогие письма...

* обманчивый вид, "обманка" (*франц.*).

Из парадного зала выход под колонны... В густой тьме таинственным кажется парк с его зеркальными прудами. И кажется — внезапно темноту звездной августовской ночи прорежут взлеты лапчато рассыпающихся ракет, зажжется иллюминация, вспыхнут бенгальские огни и ярко засверкает вензелевый транспарант в круглом храмике Добродетели, который выстроил беспутный, но очаровательный хозяин С.С.Апраксин в честь своей жены...

Так было в Ольгове еще совсем недавно... Разрушение его было планомерным. Дом заняли под санаторий; мебель частью вывезли в Дмитров, частью растащили, частью продали тут же на месте за бесценок... А советские иллюстрированные журналы, конечно, до того Ольговом не интересовавшиеся, напечатали о новом достижении — здравнице в бывшем имении "кровопийц" Апраксиных.

Одной новой страницей обогатилась хроника вандализмов — история гибели памятников старины и искусства в послереволюционной России.

Парадный зал дворца в Ольгове. *Фото конца XIX в.*

** Далее у автора идет текст на отдельно вложенном листе до следующей главы.* — Сост.

*На столе сборник шведских музеев "Fataburen" 1932 года. Меловая бумага, прекрасная печать, превосходные и обильные иллюстрации. Несколько статей посвящено усадьбе Скогахольм, целиком разобранной, перевезенной, снова собранной и реставрированной на территории Скансена, знаменитого шведского музея под открытым небом [65]. Энтузиастам-любителям при общественной денежной поддержке удалось осуществить это истинно культурное начинание. Под слоем штукатурки оказались расписные плафоны, под позднейшими обоями — старые штофы и старые "бумажки" наряду с тонкими росписями того стиля, который во Франции носит название Louis XVI, а в Швеции — густавианского. Восстановлены в комнатах старые расписные кафельные печи, подобрана стильная мебель, осветительные приборы, портреты, частично нарочно заказанные копии-воспроизведения. По кусочку обоев, по лоскуту штофа с сохранившимся узором заказывались точные реплики старинных рисунков, покрывшие снова стены и мебель в доме Скогахольм. Каждая восстановленная мелочь обдуманна и взвешенна — это равно относится и к расцветке гардин на окнах, и к наряду туалетного стола, и к устройству пологов над кроватями. В результате — небольшой стильный дом-музей, частью отделанный еще в барочном вкусе конца XVII века, частью же — в стиле классицизма последних двух десятилетий XVIII столетия, когда Адам впервые использовал в своих образцах для декорировки комнат мотивы росписей Помпеи и Геркуланума. Быстро перекинувшись во Францию, этот новый вкус в отделках помещений был воспринят эпохой Louis XVI, распространившись из Франции по всей Европе вплоть до далеких Швеции и России.

Между тем, глядя на эти тщательно воспроизведенные интерьеры, плафоны, отдельные предметы меблировки, нельзя не отметить, в сущности, далеко не первоклассный их характер. В Ляличах, в Хотени Строгановых, в Никольском-Урюпине, в Райке Глебовых, в Марьине Голицыных, в Отраде Орловых и во многих других местах можно найти росписи во много раз превосходящие те, что украшают Скогахольм. Это равно относится и к мебели, и к отдельным предметам убранства. Перелистывая "Fataburen" за последние годы, нетрудно убедиться в том, что едва ли не каждый сколько-нибудь значительный предмет меблировки, стекла, фарфора, старинной ткани, не говоря уже о картинах, находится в Швеции на известном эстетическом учете. И это в то время, когда после 1917 года десятки тысяч кресел, стульев, диванов, столов ореховых, красного дерева, карельской березы были брошены в России на произвол судьбы. А некоторые ценнейшие предметы, все же попавшие в музеи, тщетно дожидаются починки и реставрации, не говоря уже о публикации в художественных сборниках и журналах.

Впрочем, таковых ведь нет в нищей и обездоленной стране. И в то время как маленькая Швеция любовно и внимательно относится к каждой старинной вещи, к каждому произведению искусства, на территории громадной соседней страны погибают памятники, подвержен<ные> уничтожению не только в силу равнодушия и непонимания, но в угоды какому-то психическому садизму. В московском Музее сороковых годов [66] в особняке Хомяковых уже в годы революции усилиями преданных искусству людей производились работы, аналогичные тем, что выполнены в Скогахольме. Здесь тоже восстанавливали расцветку обоев, изучали по документам, мемуарам, воспоминаниям характер обстановки, расположение вещей, организовали выставки, в том числе интерьеров по материалам старинных картин и акварелей. Но понадобилось в Москве общежитие для студентов какого-то учебного заведения, и одним росчерком пера был уничтожен Бытовой музей, точно во всей Москве не нашлось другого дома, кроме этого особняка. А немного ранее также бессмысленно и злостно был ликвидирован Музей мебели в Нескучном дворце, куда усилиями все тех же предан-

[65] Шведский этнографический музей на открытом воздухе был основан в 1891 году в Стокгольме в парке Скансен на острове Юргорден.

[66] Бытовой музей 40-х годов XIX века был открыт в Москве в 1920 году в доме А.С.Хомякова (Собачья площадка,7) как филиал Исторического музея. Ликвидирован в 1929 году. Дом не сохранился.

ных делу музейных работников свезены были лучшие образчики русской и иностранной мебели из усадеб и частных собраний. Целыми комплектами или отдельными вещами были розданы отсюда вещи для обстановки квартир сильных мира сего.

Немногие сохранившиеся после 1917 года и даже оберегаемые усадьбы-музеи, неповторимые документы искусства и быта прошлого, усадьбы, охраняемые Главнаукой [67], были также бессмысленно и равнодушно уничтожены. Один за другим были разрушены музеи в усадьбах, домах и дворцах — в Отраде, Ершове, Введенском, Ярополье, Алексине Смоленской губернии, в Остафьеве, Дубровицах, Никольском-Урюпине, Ольгове, в особняках Юсуповых, Шуваловых, Шереметевых, Строгановых, Бобринских в Петербурге, в Елагинском дворце, Гатчине. Точно нельзя было найти других помещений для всех этих домов отдыха, санаториев, учебных заведений, общежитий. Верно, нельзя было, так как на общем фоне разрушения музейные здания казались иным, благодаря относительной своей сохранности, раздражающим анахронизмом, пережитком прежде всего огульно ненавистного прошлого. Усадьбы эти внушали зависть — и потому их уничтожили. Вещи растащили, распродали... Ведь после первого периода собирательства, накопления старина оказалась — валютой. И для иностранцев русские музеи, книгохранилища, фонды стали не чем иным, как гигантской антикварной лавкой, где по сходной цене можно купить любую вещь. Вот почему с профессиональным интересом осматривал [Харземан], владелец крупнейшего книжного антиквариата в Германии, Музей книги, вот почему на аукционах в Берлине и Лейпциге появились картины, рисунки и гравюры из Эрмитажа, гобелены и мебель из Павловского дворца... Десятки и сотни вещей "национализированных" частных собраний, начиная с иконы и кончая бисерным подстаканником, предлагаются вниманию заграничных покупателей. Так оптом и в розницу уничтожают в России старину и искусство. А в Швеции — оберегают, реставрируют, публикуют каждую мелочь, каждый пустяк. Так поступает "буржуазная" культура. Но ведь все же... культура...

А в России о старом искусстве надо писать лишь в прошлом времени. В России над старым искусством остается лишь положить на могилу венки сплетенных воспоминаний.

[67] Главнаука — управление Наркомпроса, на которое были возложены учет и сохранение памятников искусства, а также руководство музеями (*примеч. ред.*).

Марфино

Марфино — другой усадебный центр на дороге из Москвы в Дмитров. Марфину Паниных посвящена статья Вейнера [68], виды Марфинского парка были изданы за границей в серии превосходных литографий, получивших довольно широкое распространение. Марфино описал Карамзин...[69]. И усадьба, безусловно, того заслуживала. В ней не сохранился старый дом XVIII века. Но другой, пришедший ему на смену, прекрасно соединился с окружающим ландшафтом. Самое неожиданное в нем — *не столько псевдоготический стиль, сколько* расцветка — нежно-розовый тон стен. Точно кому-то захотелось поиграть в рыцарскую эпоху, создать здесь, около Москвы, обстановку, созвучную романам Вальтера Скотта...

Дуга изломанного в своем протяжении моста, украшенного аркатурой, отражаясь в воде, образует правильный круг. Краснокирпичная, обнаженная кладка — лишнее звучное пятно в осенней палитре красок; под лучами сентябрьского солнца золотом горят обсыпающиеся на воду, плывущие по ней червонными блестками склоненными ветвями берез оброненные листья. Справа с пригорка смотрится в воду дом во вкусе британской готики, в том стиле англизированной культуры, который и

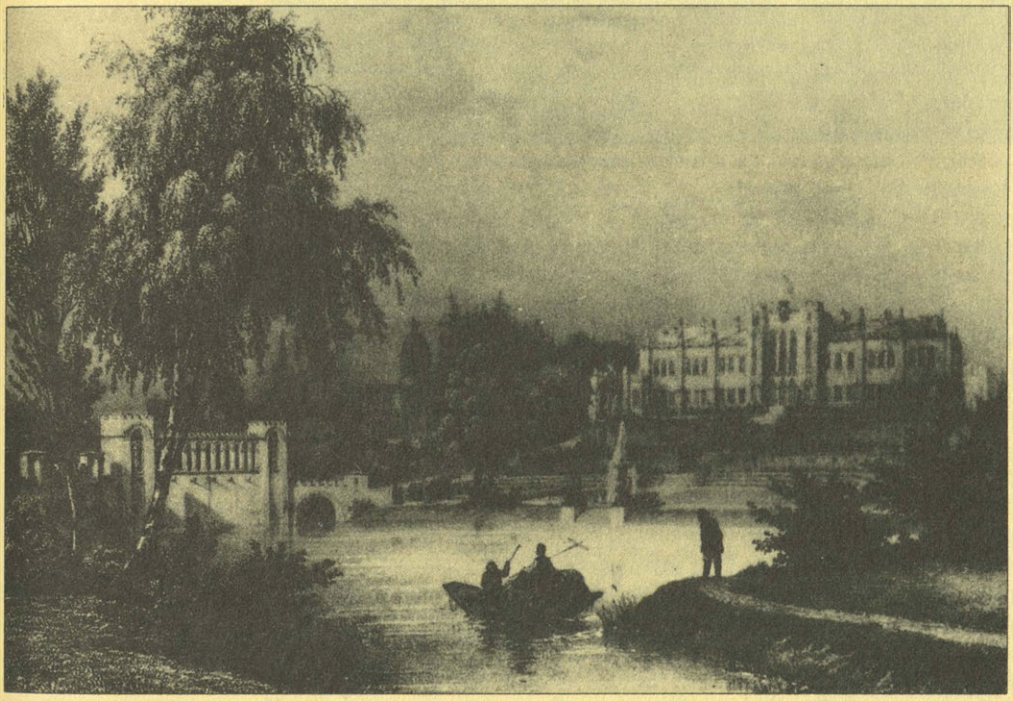
[68] *Вейнер П.П.* Марфино // Старые годы. 1910. № 7–9. С. 115–130.

[69] По-видимому, имеется в виду небольшая пьеса Н.М.Карамзина "Только для Марфино".

вызвал в России 30–40-х годов Алупкинский дворец Воронцовых, голицынскую Гаспру, а здесь, в центре России, — Быково и Марфино, последние сооружения умирающего барства. Зеленый откос перерезает песчаная дорожка; ступеньками пробегает она с террасы на террасу и, наконец, кончается у пристани, где нарядные острокрылые грифоны сосредоточенно глядят в воду. По кромке берега растут красные клены, желтые липы, белые стволы берез; красочным букетом кажется и традиционный островок, некогда соединявшийся с берегом плотиком-паромом.

Марфино — насиженное дворянское гнездо... [70]. К различным эпохам относятся отдельные его части. Спрятанная среди деревьев, нарядной игрушкой кажется барочная церковь 1707 года, крестчатая

[70] Марфино известно с XVI века. В 1698 году пожаловано Петром I кн. Б.А. Голицыну. В 1728 году продано гр. Салтыковым: владевшим усадьбой до 1805 года. К 30-м годам XIX века имение перешло к гр. В.Н.Панину, для которого архитектор М.Д. Быковский построил в стиле псевдоготики — дворец, мост, конный двор. Паниным усадьба принадлежала до революции.



"Вид усадьбы Марфино Московского уезда". *Литография середины XIX в.*

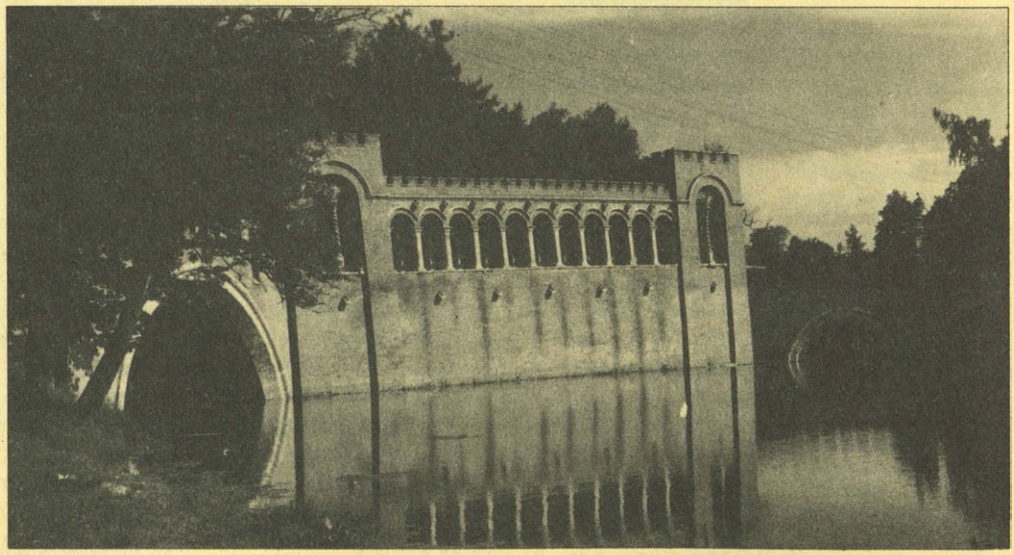
в плане, с высокими окнами, с обрамляющими стены пилястрами, украшенными затейливыми капителями и с круглым световым барабаном над средокрестием. Это прекрасный памятник барокко, быть может, лишь чересчур нарядный и пряный благодаря *поновлениям, сделанным архитектором Баженовым в середине XVIII века*, и характерной расцветке в два тона, розовый и белый. В ограде — могилы, осененные высокими деревьями, под одной из них прах строителя церкви, крепостного архитектора Белозерова, о котором предание, правда неосновательное, сообщает, что был он насмерть засечен помещиком князем Голицыным.

Осенью архитектурный марфинский парк кажется прозрачным; четко выступают в регулярном строю высокие и прямые липы, причудливое кружево ажура плетут они своими ветвями на фоне светло-синего неба. Облетевший лист застилает дорожки и траву куртин. За парком, около вала, его ограждающего, откуда *открывается такой заурядный, но вместе с тем всегда полный настроения* вид на распаханные поля, стоят два уцелевших от XVIII века классических дома с колонными портиками — это здания бывшей псарни, последние свидетели вельможных охот.

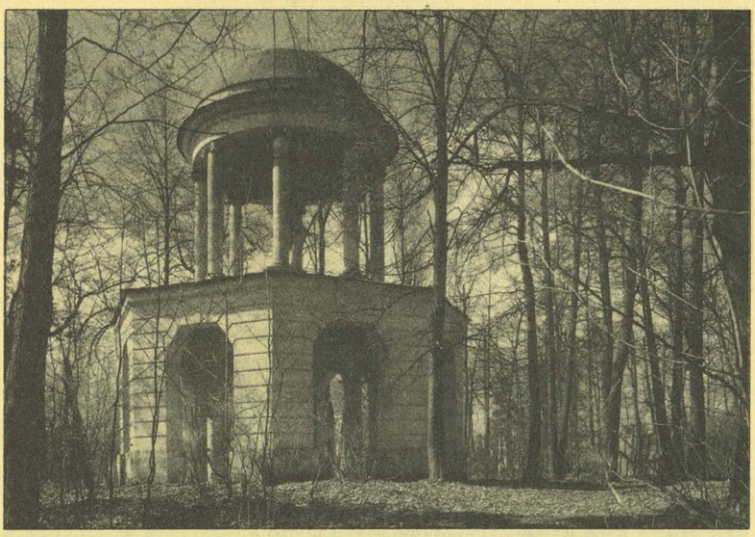
Немые спутники былого — белые дома и павильоны с колоннами — подсказывают вид Марфина в его классическом уборе. Судя по двум еще сохранившимся в парке беседкам, в построении усадьбы участвовал изобретательный мастер, хорошо знакомый с основами классики — античным миром и бессмертным творчеством Палладио. Две беседки — одна в конце парка, неподалеку от дома в виде полуротонды, другая над прудом, двухэтажная — как-то невольно заставляют вспомнить работы Львова. Полуротонда, верно, задуманная некогда как украшенная колоннами ниша среди невысокой зелени деревьев, точно перенесена сюда из южных стран — так и хочется представить ее себе над морем, где-нибудь на скалистом уступе; и чудятся в пролетах колонн кусты роз и олеандров, и синее море, и лазурное небо, и в сизом мареве исчезающий скалистый мыс. Здесь же, в Марфине, — это белые колонны, полукругом держащие полусферический купол, белые столбы среди черных стволов обнаженных лип. Одна колонна уже кем-то выбита — и оттого еще бесполезнее, еще никчемнее кажется теперь эта эстетическая затея ушедшей в небытие прошлой жизни. Другая беседка поражает своей оригинальностью — ротонда — самая типичная, с выисканными, прекрасно спропорционированными формами, вознесена на октогональный павильон с арочными пролетами, служащий ей основанием. Разросшиеся кусты скрывают основание, и в неподвижной глади воды отражается лишь второй этаж беседки — круглый колонный храм. Надписи испещряют стены и колонны — вирши, имена, даты — наивные и дикарские попытки дешевого тщеславия сохранить свои имена urbi et orbi...*

В Марфине дом отдыха — во всех комнатах стандартные кровати. Верно, содраны старомодные обои, забелены орнаментальные росписи. Второй раз, как прежде перед французом, покинули дом старинные портреты; Панины и Тутолмины с портретов Вуаля, Рослина, Орлова сошли со стен залов и гостиных и разбрелись по музеям Москвы и провинции. В кладовых и музейных хранилищах встретились они с другими портретами, живописными и скульптурными, работы Шубина и Мартоса, с картинами и мебелью, уцелевшими от разгрома другой панинской усадьбы — села Дугина Смоленской губернии. Марфино еще живет — Дугино же, *с его картинами старых мастеров, фамильными портретами, белым залом, украшенным бюстами Паниных*, пропало безвозвратно. Даже не оставило оно по себе фотографической

* "Граду и миру" (*лат.*), т.е. "для сведения всех" — слова, произносимые во время богослужения папой римским.



Каменный мост середины XIX века в усадьбе Салтыковых (позднее гр. В.Н.Панина) Марфино Московского уезда. *Современное фото*



Беседка со статуей Аполлона Бельведерского в парке усадьбы Марфино. *Современное фото*

памяти, и лишь рисунок сепией в [собирательном] альбоме гр. С.А.Строгановой, промелькнувшем на московском художественном рынке в первые годы революции, дает представление об этой с большим вкусом и роскошью обставленной усадьбе, о громадном доме над прудом и обширном окружающем ее парке, *по дорожкам которого проходят женские фигуры в ампирных платьях*. Марфино и Дугино — эти две усадьбы являлись чудесными образчиками тонкого, вполне европейского вкуса русского барства в конце XVIII и в первой половине XIX века.

Вёшки

Рядом с роскошным Марфином — скромные, но бесконечно очаровательные Вёшки Алмазовых. Здесь еще сохранился деревянный дом во вкусе классицизма — трогательный и наивный пересказ роскошных загородных дворцов Палладио под Виченцей. Только пересказ из третьих или четвертых уст... По образцу какой-нибудь виллы Меледо строили в Ляличах, в Павловске, в Райке свои дворцы Кваренги, Камерон, Львов. В камне, но всего чаще в дереве копировали их уже анонимные в большинстве случаев архитекторы, возводившие и Рождествено на Истре, и погибшее Прохорово Трубецких, и дачу "Голубятню" под Москвой. Эти доморощенные перефразы в свою очередь служили образцами для строителей деревянных помещичьих домов в Костромской, Ярославской, Тульской, Калужской губерниях, *домов, поражающих иногда курьезными формами, оправданными, однако, и логически вытекающими из конструкций*. Так, вырождаясь и мельчая, *но вместе с тем приспосабливаясь к строительному материалу*, рассыпались по России побеги большого европейского искусства. Но точно так же как в полевых анютиных глазках, в безыскусственной луговой гвоздике, так и здесь, в этих подчас наивных постройках, заключена своеобразная прелесть простоты, очарование милой и наивной стилистической несуразности. Именно так воспринимаются Вёшки. В центре плановой усадебной композиции дом с колонным портиком, поддерживающим балкон перед надстроенным над центральной частью мезонином; сбоку отходят, закругляясь, галерейки — галерейки, собственно, состоящие из деревянных столбов, несущих крышу, приводящие к двум совсем маленьким флигелькам.

Пусть традиция, пусть раз усвоенный шаблон продиктовали эту планировку дома — все же, думается, отвечала она старому укладу жизни с желанием отнести подальше, но вместе с тем и не окончательно оторвав от жилых и приемных комнат кухню и помещения челяди, необходимые "задворки" жизни. Различаясь лишь направлением и характером галерей — то круглящихся, то прямых, то открытых, то забранных окнами, — этот план встречается бесконечное число раз — в Райке, Архангельском, Остафьеве, Гребневе, Валуеве, Останкине, Ляличах, Рождествене, Гурьеве [нрзб.], Средникове, Осташове и многих других местах.

В Вёшках же этот пришедшийся по вкусу палладианский план особенно интересен своими малыми размерами. Это архитектурная миниатюра, копия с копии наивного доморощенного мастера, многого не разглядевшего, многое прибавившего от себя. Обстановку внутри дом в Вёшках потерял уже давно, верно, при переходе своем в ведение Петровской сельскохозяйственной академии. Вот почему меньше отразились на нем революционные годы и остались нетронутыми прекрасные, лишь несколько выцветшие плафоны с ампирной орнаментацией в розетках и бордюрах, плафоны с обычным репертуаром аканфовых листьев, грифов, венков и компактных гирлянд. Даже потолки комнат в мезонине были расписаны, свидетельствуя о том внимании к художественной отделке помещений, которое, по-видимому, было свойственно устроителям усадьбы.

Миниатюрный липовый парк непосредственно прилегает к дому; дорожки и аллеи, извилистые и прямые, кажутся теперь, когда разрослись липы, совсем узкими; как обычно, одну сторону сада окаймляет пруд, а перед въездом, против полуциркульного двора-луга, стоит простенькая, также деревянная церковь с колокольней. Все в Вёшках типично и бесконечно характерно для той среднедворянской среды, которая кольцами своих гнезд опоясала древнюю столицу и губернские города центральной России.

Один за другим проходят годы, оставляя все более и более заметные разрушения — ржавеет железо, обсыпается штукатурка, подгнивает дерево; буря и ветры вырывают одряхлевшие дуплистые липы — и нет, давно уже нет заботливой руки, поддерживающей гибнущую, теперь никому не нужную старину. В Вёшках одна за другой рухнули соединительные галереи, обсыпались колонны и уныло ждет дом своего неизбежного конца[71].

Точно забытые могилы, о которых некому позаботиться, стоят еще старые усадьбы, привлекая лишь взоры любопытствующих искателей старины и былого увядшего искусства.

[71] Усадьба в Вёшках не сохранилась (*примеч. ред.*).

Михалково

Несколько раз в своих редакционных примечаниях к историческим материалам упоминает Петр Бартенев [72], просвещенный создатель "Русского архива", о том, что усадьба Михалково была отстроена графом Паниным в подражание взятой им крепости Бендеры [73]. Сейчас это указание кажется и странным, и неожиданным. Почти в черту города вошла усадьба; около готических башен ворот — трамвайная остановка; рядом с причудливой старинной архитектурой — жалкие и грязные, окруженные слякотью и нечистотами лачуги рабочих (1926 год); перед липовым парком пруд, куда теперь стекают вонючие отходы с фабрики бывшей Иокиш [74]. Но среди этих отвратительных всходов современной цивилизации, которые далеко не выкорчеваны социальной революцией, ради них произошедшей, высятся горделивые даже в своем

[72] Бартенев Петр Иванович (1829-1912), русский историк, археограф.

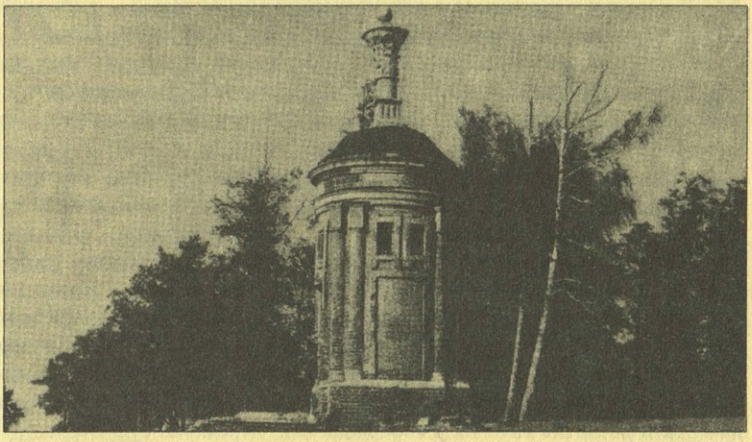
[73] В годы русско-турецкой войны 1768-1774 годов генерал-аншеф Панин Петр Иванович (1721-1789) командовал 2-й армией, овладевшей в сентябре 1770 года крепостью Бендеры.

разрушении остатки былой, великолепной жизни одного из сановников екатерининского времени.

[74] До 1767 года Михалково принадлежало Дашковым, затем Паниным; с начала XIX века усадьбой владели Иокиш.

Внимательно приглядевшись к отдельным фрагментам, сопоставив их в один общий композиционный комплекс, нетрудно убедиться в том, что усадьба представляет из себя на редкость хорошо уцелевший ансамбль. Нет только главного дома, зато налицо вся циркумференция закругленного перед ним двора и планировка идеально сохранившегося парка, не потерявшего даже две свои исключительно интересные каменные беседки.

Михалково, где фрондирующий гр. П.И.Панин, *которого Екатерина II называла "первым врагом и персональным оскорбителем"*, задавал на удивление избалованным москвичам богатейшие пиры и



Беседка конца XVIII века в усадьбе гр. П.И.Панина Михалково Московского уезда. *Фото 1940-х гг.*

празднества, выстроено, несомненно, Баженовым в том стиле псевдоготики, который процветал в России в 60-х, 70-х и начале 80-х годов XVIII века. В недавние годы напечатанная работа о Чесменском дворце доказывает, что этот расцвет псевдоготики, предшествующий, по-видимому, распространению классицизма в русской архитектуре, был продиктован желанием русской аристократии и даже представителей династии создать некое подобие фамильных замков, освященных преданиями старины, хранящих галереи портретных изображений. Точно проникнувший в дворянство купец, покупающий загородный замок и портреты "предков", старались случайные вельможи и временщики, а за ними и представители боярства, утратившие свои деревянные хоромы, укрепить, пусть лишь наружно, символически, корни своего воображаемого генеалогического древа. Именно этим было подсказано применение в строительстве готического стиля, вернее, как было доказано, готической одежды барочной архитектуры в развившемся дворцовом и усадебном строительстве. Верно, со временем удастся установить здесь английские, немецкие, даже французские течения как источники заимствований. Готику изучали в Англии архитекторы братья Неелловы, построившие Баболовский дворец в Царском Селе, немецкую готику привез с собой Фельтен, строитель Чесмы, готику в своеобразной амальгаме с московской архитектурой XVII века изучал по увражам и кремлевским башням Баженов, да вслед за ним Казаков, Бакарев и Менелас. Помимо уже упомянутых построек этого стиля, принадлежащих Баженову, нельзя не вспомнить здесь о Петровском дворце Казакова, о Вишенках, усадьбе Румянцевых, Отраде и Нерасстанном Орловых, Красном Ермоловых, Марьинке Бутурлиных; и недаром все эти усадьбы были отстроены теми, кто не по праву рождения, а по прихоти случая были вознесены на первые места в государстве. Вслед за ними и некоторые представи-

тели родовитого барства стали тоже строиться в модном стиле — наблюдавший за возведением царицынских сооружений Измайлов возводит в Быкове псевдоготическую церковь, феодально-барочный характер приобретает Тишково Собакиных, с его октогональным домом, церковью и фигурными, точно крепостными башнями. Даже монастыри, церкви и гражданские постройки применяют этот модный стиль. Именно в эти годы пристраивается к Успенскому собору во Владимире его псевдоготическая колокольня, *строятся новый, псевдоготический собор в Можайске и очень близкая к нему по стилю церковь в имении Демидовых около Болшева работы Бакарева*, сооружается феодальная ограда Голутвина монастыря, возникают в Калуге в псевдоготическом вкусе задуманные торговые ряды. И тем понятнее это увлечение псевдоготикой, что именно этот стиль в глазах людей XVIII века отождествлялся с древнерусской архитектурой. Готической обозначает в своей знаменитой речи Баженов архитектуру Кремля [75], готическими называет старые хоромы в Петровском графиня Головина, урожденная Голицына, в своих известных записках[76]. Вот почему круги, настроенные преимущественно националистически, то есть духовенство и купечество, не чуждались этого стиля.

Взятие Бендер графом Паниным в турецкую войну 1770—1774 годов, впечатление от старых стен турецкой крепости, желание сохранить потомству память о своем подвиге и вместе с тем стремление "облагородить" свою фамилию — вот те причины, которые создали известное требование у заказчика. Исполнитель же замысла — Баженов — логически развивал в пределах господствовавшей смены барочных и классических вкусов "вторые пути" русской архитектуры, пытаясь своеобразно продолжить в XVIII веке исконно русскую, старомосковскую архитектуру. Перед нами точно усилием воображения сделанная попытка начертать развитие явления в воображаемой, нереально существующей среде. И на перекрестии этих встречных фантастных стремлений зодчего и художника возникают Царицыно, Михалково, Марьинка — все эти блистательные вехи "вторых путей" русской архитектуры XVIII века.

На cour d'honneur ведет трое ворот, вернее, три проезда между краснокирпичными башнями, украшенными белокаменными деталями. Средняя их пара, наиболее нарядная, *широко применяет в своей декорировке* лопатки, стрелы, оконца-бойницы. Но как эти башни, так и другие, боковые, при всем желании своем казаться грозными и хмурыми, на самом деле являются все же чисто декоративными, в особенности на фоне голубого весеннего неба с тающими на нем облаками, с ложащимися по красному полю стен лиловатыми узорчатыми тенями, отбрасываемыми оголенными еще деревьями. Анализ форм михалковских башен, а также круглящихся стен-корпусов между ними, со стрельчатыми окнами и нишами, с треугольными карнизами и зубцами поверху, показывает очевидную родственность михалковской псевдоготики к постройкам Царицына.

Дом занимал место против центральных въездных башен — от него давно не осталось следа, и думается, не был ли он деревянным, временным; непосредственно со двора открываются теперь перспективы липовых аллей — выровненные лиловато-черные стволы и косые тени на дорожках, покрытых прелым прошлогодним листом. Вдали, по краям сада, белеют две беседки. Круглые в плане, частью забранные стенами, частью колоннами с какими-то фантастическими капителями, их венчающими, перекрытые куполом, несущим какое-то пирамидальное, в виде шпиля [окончание], эти беседки являются несомненным прототипом того храмика-ротонды то ионического, то тосканского, то коринфского ордера, которые так часто попадаются в русских усадьбах, а подчас и в церковной архитектуре, образуя один из ярусов звона. Следующий этап после михалковских беседок — "Храм Цереры" в Царицыне; уже со-

[75] Речь В.И.Баженова при торжественной закладке Кремлевского дворца 9 августа 1773 года была опубликована в изданных Н.И.Новиковым сочинениях А.П.Сумарокова, затем перепечатывалась в периодических изданиях. (См.: *Баженов В.И.* Слово на заложение Кремлевского дворца / Сумароков А.П. Соч. М., 1787. Ч.2. С. 267—275; *То же* // Московский телеграф. 1831. Ч. 41. № 17. С. 115—127; *То же* // Московские губернские ведомости. 1844. (Прибавления к № 47 при биографии Баженова).

[76] См.: *Головина В.Н.* Записки. СПб. 1900. 285 с.

вершенно серьезно-классический, если бы не декоративный сноп на куполе, своеобразное видоизменение шпилей, венчающих беседки панинской усадьбы. А вслед за этой ротондой или одновременно с ней возникают "Храм розы без шипов" в Павловске, беседки в Райке, Царском Селе, Ляличах, Званке Державина, ротонды в Братцеве, Петровском, Марфине, Петровском Михалковых против Рыбинска, позднее в найденовском саду[77], Константинове, Грузине, Ильинском.

[77] Имеется в виду усадьба "Высокие горы" Найденовых в Москве на Садовом кольце близ Яузы (*примеч. ред.*).

Круглые беседки михалковского сада интересны еще и тем, что они образуют то недостающее связующее звено, которое позволяет с несомненностью вывести происхождение беседки-ротонды от знаменитого памятника Лисикрата, то есть непосредственно от античности, совершенно так же, как церковь в Никольском Львовых восходит к эллинистичным ротондальным храмам в типе того, что сохранился в Тиволи и что так часто встречается в архитектурных фантазиях Тома де Томона. Еще одна деталь должна быть отмечена в связи с михалковскими беседками — их симметричное расположение. *Храм-ротонда крайне типичен для английского ландшафтного парка; исключительно редко встречается этот тип сооружения в более старых регулярных французских садах, где, подчиняясь закону симметрии, он повторяется в одинаковых архитектурно-плановых точках.* Один только раз еще в истории русского усадебного зодчества встречается этот любопытный стилистический анахронизм — в двух беседках сада Голицынской больницы в Москве, где ротонды эти, украшая каменную набережную над рекой, как бы отмечают архитектурные границы парка.

Город, с его шумами, сутолокой и пылью, надвигается на Михалково. И кто знает, не предназначены ли на слом башни и беседки и не лягут ли завтра под топором двухсотлетние липы, уступив место стандартным рабочим жилищам в духе современной нивелирующей и безличной архитектуры.

Средниково *

* В настоящее время употребительней название "Середниково" (*примеч. ред.*)

Есть поэты, чьи имена тесно связываются с русской усадьбой, со старыми, насиженными дворянскими гнездами. Среди них Пушкин занимает по праву самое выдающееся место. Даже те усадьбы, где поэт побывал всего один только день, включаются в "пушкинские

Парадный ворота усадьбы Всеволожских (позднее Столыпиных) Середниково Московского уезда. *Фото 1930-х гг.*

места". Месяцы и годы жизни поэта протекли в Михайловском и Тригорском, позднее в Болдине. Вульфовское Берново, Каменка Раевских на Украине, Остафьево, Ярополец, Полотняные Заводы — все эти места не только случайные остановки на пути жизни поэта, но органически связанные с его творчеством этапы или мимолетные вехи творчества. Пушкин созвучен русской усадьбе, русской природе, как созвучны ей позднее Фет и Блок. Совсем иное дело Лермонтов — его воображаемый образ рисуется непременно на фоне Кавказских гор, на фоне скалистых утесов, снеговых вершин и бурлящих в ущельях потоков. Всецело принадлежащий, романтике Лермонтов тяготеет к той стране, которая притягивала к себе все буйное, все искавшее острых переживаний, все красочное и необузданное. Кавказ для русского искусства 30—40-х годов — все равно, будь то живопись, стихи, музыка, — все равно что Левант в творчестве Делакруа, Байрона, Теофиля Готье.

Вот почему Лермонтов и русская усадьба с ее меланхоличной лирикой кажутся несовместимыми. И тем не менее существуют как "пушкинские", так и "лермонтовские места". Одно из них — Средниково, усадьба Арсеньевых [78].

В центре небольшого прямоугольного двора двухэтажный дом, соединенный колоннадами с двумя парами флигелей, повернутых к нему под прямым углом. Несколько засушенной кажется эта архитектура, гладкие плоскости стен, расчлененные лопатками с выступающими над окнами карнизами. Только колонные галереи вносят сюда знакомый и привычный уют. Полукруглый выступ отмечает фасад, обращенный к пруду; пруд лежит низко под пригорком, и к нему ведет лестница-дорожка, устланная плоскими каменными плитами. Вид на этот [извилистый] пруд с чистой, хрустально-прозрачной водой,

[78] Ныне Середниково. В 1825—1869 годах усадьба принадлежала не Арсеньевым, а Столыпиным. Бабушка М.Ю.Лермонтова, Е.А.Арсеньева, (урожд. Столыпина), жила здесь во время учебы внука. В 1869 году А.Д. Столыпин продал имение купцам Фирсановым.

Вид на главный дом усадьбы Середниково со стороны пруда. *Современное фото*

куда с высоких берегов смотрятся высокие ели, березы и липы, — лучшее украшение Средникова. По краю воды пробегают капризно и причудливо дорожки, проходя по мостам, великолепным монументальным сооружениям из тесаного камня. То здесь, то там опрокидывается в воду арка моста чудесных выисканных пропорций, какие попадаются разве еще в Гатчине и Царском Селе. Обилие хвои, всегда придающей некоторую сумрачность ландшафту, контрасты лиственных деревьев в их осенних расцветках — все это создает, пожалуй, и в Средникове налет своеобразной романтики. Но только здесь, в парке, ибо усадьба с другой стороны, со стороны хозяйственного двора — типичная, хорошо оборудованная подмосковная, с напоминающей палаццо конюшней, с многочисленными службами и хозяйственными сооружениями. С течением лет усадьба перешла в буржуазные руки; память о Лермонтове отметил скромный обелиск серого камня около дома, и в зале появился плафон на лермонтовские мотивы, правда, ужасный по живописи. А позднее, после 1917 года, поселился здесь санаторий для нервнобольных — во всех комнатах дома и флигелей встали белые койки, а на подъезде вывеска "Санаторий Мцыри". Этим отметила новая эпоха свое внимание к поэту.

Почти вся старина ушла из Средникова — тем не менее в одной из верхних комнат дома остался своеобразный лермонтовский уголок: верно, чья-то культурно-заботливая рука развесила по стенам несколько старинных масляных портретов кисти доморощенного художника, портретов, изображающих представителей семьи Арсеньевых. Сюда же перенесены остатки библиотеки в невысоких шкафах с готическими переплетами дверец, кое-что из мебели красного дерева.

Кое-где в доме еще можно было найти своеобразные уникальные вещи — деревянный, резной, светлыми красками раскрашенный канделябр, резные столики, какую-то статую, возможно, стоявшую ранее в саду. Все эти вещи — лишь отдельные фрагменты былой обстановки, судя по ним, довольно любопытной наличием в ней местных, должно быть своих собственных, резных изделий. Но установить по ним общий утраченный ансамбль так же трудно, как трудно узнать книгу по нескольким прочитанным разрозненным листкам.

Каменный мост XVIII века в середниковском парке. *Современное фото*